

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-717-727

EDN: OQNKRH

УДК 82-21.82-31.801.73

Научная статья / Research article

Пушкинская цитата в поэме Ивана Карамазова

О.Н. Турышева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
oltur3@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – определить функции цитаты из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость» в поэме «Великий инквизитор» Ивана Карамазова. Полемически опускаются ранее высказанные версии относительно смыслового потенциала данной цитаты. Методологически исследование опирается на идею о том, что пушкинская цитата в составе поэмы о великом инквизиторе является не только формой выражения авторской позиции (Достоевского), но и позиции литературного героя, изображенного в качестве сочинителя и субъекта цитирования (Ивана Карамазова). Выдвигается гипотеза о том, что цитата из «Каменного гостя» может быть прочитана в качестве полемического аргумента против инквизиторской концепции человека, на которой настаивает Иван Карамазов. Данная герменевтическая гипотеза опирается на анализ жанровой специфики трагедии, оформившейся в результате пушкинской переработки комедийной версии сюжета о Дон Жуане; анализ образа Дон Гуана как трагического героя; анализ философской целостности цикла «Маленькие трагедии»; анализ рецептивной структуры трагедии «Каменный гость». Специфика последней связывается с имплицитно присутствующим в тексте заданием для читателя по преодолению инерции комедийного стереотипа в чтении пушкинской версии «вечного» сюжета. В результате исследования сделаны следующие выводы: введение (героем – Иваном и автором – Достоевским) пушкинской цитаты из «Каменного гостя» в поэму «Великий инквизитор» носит концептуальный характер; ее основная функция – обострение философской противоречивости поэмы, столкновение противоположных представлений о человеке; цитата может быть определена как интерпретанта позиции Ивана: в ее свете становится очевидной та ее глубинная двойственность, которую герой отрицает.

Ключевые слова: «Маленькие трагедии», «Каменный гость», Иван Карамазов, «Великий инквизитор», «Братья Карамазовы», трагический герой, образ Дон Гуана, Иван Карамазов как сочинитель

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 августа 2025 г.; отрецензирована 20 сентября 2025 г.; принята к публикации 22 сентября 2025 г.

© Турышева О.Н., 2025This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Турышева О.Н. Пушкинская цитата в поэме Ивана Карамазова // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 717–727. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-717-727>

A Pushkin Quotation in Ivan Karamazov's Poem

O.N. Turysheva

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russian Federation
oltur3@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to determine the functions of a quotation from Alexander Pushkin's tragedy *The Stone Guest* in Ivan Karamazov's poem *The Grand Inquisitor*. The author argues with previously expressed versions regarding the semantic potential of this quotation. Methodologically, the approach of the article is rooted in the idea that the quotation from Pushkin in the poem about the Grand Inquisitor is not only a form of expression of the author's position (Dostoevsky's), but also the position of the literary character, portrayed as the author and subject of the quotation (Ivan Karamazov's). A hypothesis is put forward that the quotation from *The Stone Guest* can be regarded as a polemical argument against the inquisitorial concept of man, which Ivan Karamazov insists on. In light of the quotation from Pushkin, Ivan's position is revealed as characterised by a profound duality and contradictions, which he himself directly denies. This hermeneutic hypothesis is based on an analysis of the genre specificity of the tragedy, which formed as a result of Pushkin's reconceptualization of the comedic version of the Don Juan story; an analysis of the image of Don Juan as a tragic hero; an analysis of the philosophical integrity of *The Little Tragedies* cycle; and, finally, an analysis of the receptive structure of the tragedy *The Stone Guest*. The specificity of the latter is regarded as a task implicitly present in the text for the reader to overcome the inertia of the comedic stereotype in reading Pushkin's version of the "eternal" plot. As a result of the study, the following conclusions have been made: the involvement (by the hero – Ivan and the author – Dostoevsky) of Pushkin's quotation from *The Stone Guest* into the poem *The Grand Inquisitor* is significant for its meaning in the novel; its main function is to exacerbate the philosophical contradictions of the poem, the clash of opposing ideas about man; the quotation can be defined as an interpretant of Ivan's position: in its light, that deep duality, which the hero denies, becomes obvious.

Keywords: *The Little Tragedies*, *The Stone Guest*, Ivan Karamazov, poem *The Grand Inquisitor*, *The Brothers Karamazov*, tragic hero, image of Don Juan, Ivan Karamazov as an author

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 27, 2025; revised September 20, 2025; accepted September 22, 2025.

For citation: Turysheva, O.N. (2025). A Pushkin Quotation in Ivan Karamazov's Poem. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 717–727. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-717-727>

Введение

Тема «Достоевский и Пушкин» усилиями как российского, так и зарубежного литературоведения нашла свое, казалось бы, исчерпывающее решение. Представляется, что ни один пушкинский мотив, фигурирующий в поэтиче-

ской структуре романов и повестей Достоевского, не остался незамеченным. При этом отдельный предмет такого рода штудий составляет аналитика пушкинского слова в устах персонажей Достоевского, многие герои которого рассказывают о своем опыте чтения Пушкина. Однако героев, собственно его цитирующих, у Достоевского всего четыре: Аглай Епанчина, читающая стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный»; Раскольников, ссылающийся на пушкинское «Подражание Корану»; Аркадий Долгорукий из «Подростка», который, излагая свою идею, опирается на монолог Скупого рыцаря; Иван Карамазов, привлекающий в поэме о великом инквизиторе цитату из трагедии «Каменный гость».

Цитаты, приводимые Аглаей, Аркадием и Раскольниковым, в науке нашли исчерпывающее толкование и с точки зрения их характерологического и символического потенциала, и с точки зрения их соотнесенности с философской проблематикой романов, и с точки зрения их сюжетной функции. Однако сказать то же самое о цитате, произносимой Иваном Карамазовым, нельзя. Она вынесена в самое начало поэмы Ивана о великом инквизиторе: «Проходит день, настает темная, горячая и „бездыханная“ севильская ночь. Воздух „лавром и лимоном пахнет“. Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму»¹. Из «Каменного гостя» Иван заимствует строки из монолога Лауры, незначительно их изменения:

...Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух – ночь лимоном
И лавром пахнет...²

В аналитике художественной функции этой цитаты фактически не акцентируется важность того, что ее приводят *литературный герой* и она входит в состав замысла *литературного героя*. Эта цитата, как правило, комментируется в качестве реминисценции, предпринятой Достоевским, и потому – в качестве формы выражения не столько позиции героя, сколько позиции автора.

Так, в исследовании И.Л. Альми цитаты Пушкина у Достоевского (и среди них цитата из «Каменного гостя») характеризуются как лирические образы художественной философии писателя: «в этом своем качестве они возвышаются над уровнем сознания отдельных героев (даже тех, кому доверено чтение), приоткрывают синтез авторской точки зрения» (Альми, 1999, с. 173).

В науке есть и точка зрения, согласно которой рассматриваемое заимствование из Пушкина трактуется как маркер жанровой специфики поэмы, сочиненной Иваном. А.Б. Криницын, поддерживая мысль И.Л. Альми об аллюзивном характере цитаты из Пушкина, пишет: «По форме произведение Ивана

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 14. Братья Карамазовы. Л. : Наука, 1976. С. 227–228.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 384.

очень напоминает „маленькие трагедии“ Пушкина. <...> Таким образом, поэма Ивана поэтически продолжает традицию мифологизирующей стихотворной аллюзии в «пятикнижии» [Достоевского] и является логическим развитием приема до его апогея. Идеобраз Великого инквизитора, по сравнению со своими аналогами, предельно развернут <...>. Благодаря вызову, брошенному самому Христу, образ приобретает мистериальный масштаб, который Достоевский не мог встретить в известных ему стихотворных текстах» (Криницын, 2016, с. 84). Справедливо акцентируя принадлежность жанрового определения истории о великом инквизиторе Ивану, И.Б. Криницын тем не менее анализирует ее место в составе *авторского замысла*.

Еще одно мнение о функции цитаты из «Каменного гостя» принадлежит Е.А.Федоровой, которая трактует ее как маркер эстетических размышлений Достоевского о соотношении поэзии и действительности: «Спор Лауры и Карлоса у Пушкина о сущности жизни <...> продолжается в поэме Ивана Карамазова. Кроме того, Лаура поет песню, которую сочинил Дон Гуан: пространственно-временной код переключается на эстетический уровень, система двойного кодирования включает читателя в размышления автора о соотношении поэзии и действительности» (Федорова, 2020, с. 50).

Обратите внимание, что ни в одном из приведенных исследований не подчеркивается субъектная принадлежность цитаты, то есть тот факт, что Достоевский присваивает ее своему герою, следовательно, она является формой выражения не только авторской позиции, но и позиции героя-сочинителя. Между тем этот факт оказывается важен для исследователей в интерпретации цитат, которые приводят Раскольников, Аглая и Аркадий. В качестве примера приведем размышление А.Б. Криницына о цитировании Пушкина Раскольниковым: «В „Преступлении и наказании“ цитирование сведено к минимуму: Раскольников вспоминает, как в „Подражаниях Корану“ Пушкина все человечество заклеймено „дрожащей тварью“ <...>. Эта реминисценция помещена <...> во второй внутренний монолог, решающий для понимания душевного конфликта героя, из чего мы можем сделать вывод, что Родион раздумывал над пушкинскими строками все время, пока углублялся в свою идею и, вероятно, был ими вдохновлен <...>. Эта реминисценция впервые показывает, что идея Раскольникова имела и религиозную подоснову, раз Раскольников сравнивает себя с „пророком“ Магометом. Богоборчество, основание новой морали – вот какова была последняя цель Раскольникова» (Криницын, 2016, с. 77).

Критика трактовки образа Дон Гуана как «безбожного» обольстителя

Наиболее развернутое суждение о пушкинской цитате в поэме Ивана Карамазова принадлежит Т.А. Касаткиной (2007). Однако и в этом разборе цитата рассматривается как «способ существования авторской позиции», хотя отмечается, что «автор ограничен здесь в правах, ибо находится в области текста, сотворенного персонажем» (Касаткина, 2007, с. 295). Тем не менее анализ

Т.А. Касаткиной нацелен на реконструкцию авторского – достоевского – замысла, реализуемого цитатой из Пушкина, но не замысла персонажа, выведенного автором в качестве сочинителя поэмы.

По мнению Т.А. Касаткиной, цитата из «Каменного гостя» свидетельствует о том, что Иван пробует путь Дон Гуана, соблазняя Алёшу признанием своей правоты: «И там, и тут нам представлена стратегия соблазнителя, и там и тут за этой стратегией стоит прямо названный в тексте – лукавый, бес, черт» (Касаткина, 2007, с. 296). На этом основании Дон Гуан уравнивается и с великим инквизитором, соблазняющим человечество счастьем. По мысли Т.А. Касаткиной, Достоевский воспроизводит цитату из Пушкина ради отождествления Ивана Карамазова, Дон Гуана и инквизитора как героев-соблазнителей.

Еще более определенно эта мысль звучит в другой статье исследовательницы «Слова и поцелуй Христа в „Великом инквизиторе“»: «Христос – жених церкви и человечества, великий инквизитор – Аид, Дон Гуан, Фёдор Павлович Карамазов...», «инквизитор ведет себя как соперник в любовном романе», он настаивает на том, что «невеста-церковь отвергла Христа, и бросает Христу слова счастливого соперника – у меня получится то, что не получилось у тебя» (Касаткина, 2012). Т.А. Касаткина таким образом рассматривает поэму Ивана как соперничество между женихами невесты-церкви: инквизитор соперничает с Христом подобно тому, как Дон Гуан соперничает с Командором. И пушкинская цитата, по Т.А. Касаткиной, призвана Достоевским, чтобы поддержать такое прочтение.

В полемике с данным разбором в первую очередь обратим внимание на трактовку характера Дон Гуана в статье Т.А. Касаткиной. Очевидно, что цитируемый автор воспринимает его в духе комедийной традиции, предшествовавшей пушкинской интерпретации этого «вечного» образа: как аналог Дон Жуана Тирсо де Молины, Мольера и Лоренцо да Понте, либреттиста оперы Моцарта. Поэтому образ пушкинского героя оказывается сведен исключительно к «развратному, безбожному, бессовестному» соблазнителю, заслужено понесшему наказание, а в рамках такой редукции оказывается возможна выстроенная в работах Т.А. Касаткиной цепочка соответствий: Аид, Дон Гуан, инквизитор, Фёдор Карамазов, Иван Карамазов.

Между тем напомним, Пушкин писал трагедию, моделируя в образе своего героя трагический характер и вступая в очевидную полемику с комедийной разработкой образа Дон Жуана, что нашло свое подтверждение в целом ряде компаративных исследований этой «маленькой трагедии» (Ахматова, 1958; Багно, 2004; Ветловская, 2024; Климова, 2013; Макогоненко, 1974; Томашевский, 1936). Их общий пафос следующий: Пушкин переосмыслияет комедийную трактовку образа, присваивая своему Дон Гуану черты трагического героя. Об этом, например, пишет Б.В. Томашевский в работе «„Маленькие трагедии“ Пушкина и Мольер»: «Заменяя комическую разработку трагической, Пушкин совершенно естественно отходил от плана пьес Мольера, так как план комедии с ее традиционными формами интриги невозможно было облекать в трагические формы. С другой стороны, характер основного героя

должен был подвергнуться психологизации, чтобы удовлетворить принципам художественного индивидуализма в создании „живого“ образа в отличие от абстрактной схематизации Мольера» (Томашевский, 1936, с. 119).

Т.А. Касаткина в качестве абсолютного подтверждения демонической природы пушкинского Дон Гуана приводит его монолог о перерождении в любви к Доне Анне:

Не правда ли, он был описан вам
Злодеем, извергом. – О Дона Анна, –
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиленно перед ней
Дрожащие колена преклоняю³.

Однако этот монолог вполне можно трактовать не только как свидетельство изощренной стратегии соблазнения, но и как выражение искреннего переживания «усталой совести». Именно такое понимание характера Дон Гуана, как раскаявшегося преступника, мы встречаем у А.А. Ахматовой, интерпретационная чуткость которой признана в пушкинистике (Ахматова, 1958). Трактовка внутреннего сюжета «Каменного гостя» как истории раскаяния имеет сюжетное подтверждение и в совокупности изображенных событий: первоначально Дон Гуан обольщает Дону Анну под подложным именем, но в процессе «перерождения» он отказывается от имени Диего, признается Доне Анне в убийстве ее супруга и открывает свою грудь для расплаты.

Наконец, приведем самый главный, на наш взгляд, аргумент в поддержку трактовки пушкинского Дон Гуана как переродившегося под действием любви преступника. Это включенность «Каменного гостя» в цикл, протагонист каждой трагедии которого отличается от предыдущего все большей степенью самосознания, что позволяет исследователям называть «Маленькие трагедии» «тетрологией вочеловечения» (Зырянов, 2023). Как пишет О.В. Зырянов, «в пушкинском цикле <...> развертывается опыт изучения самого феномена трагического сознания: его генезиса („Скупой рыцарь“), этапов развития (вплоть до убийственных и самоубийственных последствий: „Моцарт и Сальери“, частично „Каменный гость“) и, наконец, возможностей его преодоления („Каменный гость“ и, особенно, „Пир во время чумы“)» (Зырянов, 2023, с. 51).

В этом плане понимание героя «Каменного гостя» в духе комедийной традиции – как преступника, по заслугам получившего воздаяние, – нарушает целостность драматургического цикла, во многом обеспеченную движением авторской мысли в размышлениях о свободе и ответственности (Житкова, 1992).

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 407.

Имплицитный читатель в «Каменном госте»: преодоление комедийного стереотипа

Вопрос о свободе и необходимости особенно занимал Пушкина в последний период его творчества (Чумаков, 1975). Но сам этот вопрос в пушкиноведении решается по-разному. Ю.Н. Чумаков пишет, что свобода Дон Гуана мнимая: «личность [героя] искажается, и индивидуализм, доведенный до предела, проявляет саморазрушительное действие». Дон Гуан не смог «„понять необходимость“ и остаться внутренне свободным» (Чумаков, 1975, с. 26, 27).

Однако в пушкиноведении есть и такие трактовки, в рамках которых «Каменный гость» читается как драма обретения свободы и самостояния в покаянии (Житкова, 1992; Зырянов, 2023; Турышева, 1998, 1999). В этом случае ее трагедийный потенциал связывается с неумолимой властью судьбы. Причем мысль о власти судьбы в истории Дон Гуана находит свое непосредственное выражение в тексте трагедии. Во-первых, она олицетворена в стереотипе его восприятия другими персонажами: на мольбу о Дон Гуане как преступнике и имморалисте ссылаются все герои. Отчасти признавая правоту молвы, Дон Гуан все-таки ей сопротивляется, настаивая на том, что переродился.

Кроме того, идея судьбы, во власти которой находится герой, у Пушкина присутствует на рецептивно-эстетическом уровне организации текста. С первых же строк трагедии задается определенный вектор ее восприятия, так как имя героя тотчас же пробуждает у читателя память о комедийной традиции воплощения дон-жуановского сюжета. А в рамках комедийной традиции Дон Гуан – преступник, который в финале должен понести справедливое наказание. Казалось бы, герой обречен на подобное «прочтение» своего образа, его рецептивная судьба предначертана обращением автора к сюжету, получившему неоднократную комедийную трактовку. Однако, провоцируя стандартное, соответствующее традиции восприятие героя, текст «Каменного гостя» в то же время принуждает потенциального реципиента к отказу от комедийного стереотипа. Преодоление стереотипа происходит благодаря тому, что Пушкин изображает Дон Гуана как героя с «усталой совестью», то есть как носителя трагической вины, которую он пытается искупить в добродетельной любви. Связывая оригинальность пушкинской разработки комедийного сюжета с мотивом покаяния, читатель неизбежно отказывается от традиционной версии героя. Только наличием этого мотива и возможно объяснить, почему «Каменный гость» – трагедия, а не комедия. Поэтому и наказание раскаявшегося героя не выглядит закономерным, невероятно усиливая трагический пафос пушкинской драмы и окончательно переводя ее из комедийной истории о справедливом воздаянии в историю о противостоянии необходимости. Недаром И. Альтман (1937, с. 94) трактовал финал «Каменного гостя» как «высшее выражение трагедийной безысходности».

Подобную «работу» с шаблонами читательского восприятия Пушкин практиковал и в других произведениях. Так, в «Евгении Онегине» он прямо уличает читателя в «косной инерции» старых эстетических предпочтений

(Грехнев, 1979, с. 105). Но если в романе общение с простодушным читателем воплощается в фамильярно-ироническом тоне авторской речи, то в «Каменном госте» преодоление зависимости читателя от стереотипов предыдущего опыта автор инициирует через трансформацию образа героя и жанра.

Мы намеренно привели противоположные трактовки трагедии, существующие в пушкинистике. Однако в рамках любой трактовки очевидно, что проблематика трагедии выстраивается вокруг проблемы свободы и необходимости.

Гипотеза о функции пушкинской цитаты в поэме Ивана Карамазова

В связи с вышесказанным предложим новую реконструкцию присутствия цитаты из Пушкина в «Великом инквизиторе». Главное методологическое обоснование нашей интерпретации составляет необходимость учитывать тот факт, что субъектом цитирования в поэме о великом инквизиторе Достоевским выведен Иван Карамазов; пушкинский код здесь реализует не только автор романа, но и герой, которому автор доверяет цитату.

В соответствии с нашей гипотезой, цитируя Пушкина, Иван Карамазов предлагает читателю своего рода пушкинское посредничество в понимании собственной позиции. Автор поэмы сразу – первых в ее строках – задает реципиенту вектор прочтения – понимания поэмы Ивана сквозь призму трагической истории пушкинского Дон Гуана.

Представляется, что именно такое восприятие «Каменного гостя» – в ключе этой проблематики – отражено в поэме Ивана. Поэтому ситуацию диалога между инквизитором, отрицающим духовную самостоятельность человека, и Христом, верящим в его способность к свободному самоопределению, Иван и маркирует цитатой из «Каменного гостя» – трагедии об опыте свободного и ответственного самоопределения. В связи с этим, вписывая образ Дон Гуана в поэму Ивана, его следовало бы отождествить не с инквизитором (как в статье Т.А. Касаткиной), а с образом человека, который противоречит логике инквизитора, так как оказывается способен к свободному самостоянию (вопреки молве, которой верят другие персонажи трагедии, вопреки художественной традиции, сквозь призму которой первоначально воспринимает героя читатель и власть которой по ходу чтения он преодолевает).

Важно, что рецептивная реакция потенциального читателя поэмы Ивана непосредственно изображена в романе. Она принадлежит Алёше, который реагирует на сочинение брата, отвергая его прямо проговоренный пафос: «Поэма твоя есть хвала Христу, а не хула … как ты хотел того»⁴. Недаром Ивану приходится убеждать Алёшу в том, что он на стороне инквизитора: для Алёши это вовсе не очевидно. Не поддерживает ли пушкинский код интерпретацию поэмы Ивана как высказывания отнюдь не монолитного, а исполненного

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 14. Братья Карамазовы. Л. : Наука, 1976. С. 237.

противоречивости, проблематизирующего саму уверенность Ивана в правоте инквизитора, что и вскрывается в реакции Алёши?

Важный аргумент в пользу выдвигаемой версии – корреляция сюжета перерождения в «Каменном госте» с центральной проблематикой Достоевского – возрождения великого грешника, что позволяет предполагать, что Достоевского в «Каменном госте» мог интересовать не столько образ бессовестного соблазнения, сколько образ перерождения под действием «усталой совести» и добродетельной любви.

Есть еще одна не обозначенная пока корреляция: как в романе Достоевского есть герой, который является носителем рецептивной реакции на поэму Ивана, так и в трагедии Пушкина – герой, который является носителем реакции на «любовную песнь» Дон Гуана. В первом случае это Алёша, который обнаруживает противоречивость мысли брата; во втором – Дона Анна, которая переходит от обвинений Дон Гуана к доверию и пониманию. И ее реакция вполне может рассматриваться как закодированная в тексте реакция имплицитного читателя.

Заключение

Таким образом, подразумеваемая в пушкинской цитате отсылка к трагическому образу Дон Гуана может быть прочитана в качестве аргумента против инквизиторской философии человека как слабосильного существа, мечтающего вручить свою свободу другому. Этот аргумент выдвинут Иваном Карамазовым еще до того, как он предоставил слово инквизитору. Потенциальному читателю сразу дается отсылка к прецедентному тексту, герой которого решает вопрос свободы вовсе не так, как его трактует инквизитор.

Причем заканчивает Иван поэму в смысловом плане точно так же: жестом признания человеческой свободы со стороны Христа. Поэма Ивана таким образом обретает кольцевую целостность: она начинается и заканчивается семантически аналогичными мотивами: в начале – апелляция к пушкинскому герою, носителю события самостояния; в конце – поцелуй Христа, носителя идеи свободы. Думается, что Иваном Дон Гуан понят и принят как образ человека, способного к осуществлению того, в чем человечеству отказывает инквизитор. В цитате из Пушкина Иван сразу фиксирует сомнение в том взгляде на человека, который будет развивать его герой.

Иван процитировал строку из «Каменного гостя» «опрометчиво», пишет Т.А. Касаткина. Вероятно, что это бессознательная цитата, и Иван сознательно вовсе не связывает с ней те смыслы, о которых шла речь. Такую возможность поддерживает и традиционное мнение о том, что Иван убежден в своей правоте (Фокин, 2007). Но даже если Иван и процитировал Пушкина «опрометчиво», следует признать, что его память подсказывает ему цитату, которая выстраивает полемический контекст для его концепции человека. Пушкин как бы дискутирует с Иваном, пушкинская цитата вступает в полемику с содержанием его поэмы. П.Е. Фокин писал: «Чудо поэмы в том и состоит, что она

не замыкается одной авторской волей <...> Поэма в пространстве романа не ограничена сознанием Ивана» (Фокин, 2007, с. 133). Исследователь имеет в виду Алёшу – слушателя Ивана. Но, добавлю, поэма включает в себя и сознание Пушкина как автора «Каменного гостя».

Акцентируя принадлежность измененной цитаты из «Каменного гостя» самому автору поэмы о великом инквизиторе и учитывая трагедийную жанровую природу пушкинской пьесы, ее сложную философскую проблематику, взаимоотношение с традицией, мы вполне можем настаивать на концептуальном характере введения пушкинской цитаты Иваном в свою поэму (или концептуальном характере присвоения ее Ивану со стороны Достоевского) ради обострения ее философской противоречивости и диалогического столкновения противоположных концепций человека. И в этом плане «Каменный гость» оказывается интерпретантой позиции Ивана: в свете пушкинской цитаты обнажается ее глубинная двойственность, которую он сам отрицаёт.

Список литературы

- Альми И.Л. Роль стихотворной вставки в системе идеологического романа Достоевского // Статьи о поэзии и прозе. Владимир : Владимирский государственный педагогический университет, 1999. С. 446–463.
- Альтман И. Пушкин и драма // Литературный критик. 1937. № 4. С. 85–105.
- Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 185–195.
- Багно В.Е. Дон Жуан // Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / отв. ред. В.Д. Рак. СПб. : Наука, 2004. С. 132–138.
- Ветловская В.Е. «Маленькие трагедии»: «Каменный гость» (Сцена 1. Дон Гуан и Лепорелло) // Словесность и история. 2024. № 3. С. 7–29. <https://doi.org/10.31860/2712-7591-2024-4-7-29>
- Грехнев А. Диалог с читателем в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин. Исследования и материалы. Вып. IX. Л. : Наука, 1979. С. 100–109.
- Житкова О.Н. Движение философской мысли как основа художественной целостности цикла А.С. Пушкина «Маленькие трагедии» // Дергачевские чтения : тезисы докладов и сообщений научной конференции, Екатеринбург, 15–16 сентября 1992 г. Екатеринбург, 1992. С. 18–21.
- Зырянов О.В. Цикл А.С. Пушкина «Маленькие трагедии» как «тетралогия вочеловечения» // Теологическое образование в условиях цифровой культуры: ценности, смыслы, образовательные практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27 октября 2022 г. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. С. 50–55. EDN: GUSTEX
- Касаткина Т.А. Пушкинские цитаты как введение в проблематику «Великого инквизитора» // Роман Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 292–305.
- Касаткина Т.А. Слова и поцелуй Христа в «Великом инквизиторе» // LiveJournal. 2012. 3 августа. URL: <https://t-kasatkina.livejournal.com/5519.html> (дата обращения: 05.06.2025).
- Климова С.Б. Байрон, Пушкин и русские Дон Жуаны. Жанровая судьба вечного образа // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 388–418.

- Криницын А.Б. О роли стихотворных реминисценций в романах Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 3. С. 75–89. EDN: YTOSCAP
- Макогоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л. : Художественная литература, 1974. 376 с.
- Томашевский Б.В. «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. С. 115–133.
- Турышева О.Н. «Маленькие трагедии» Пушкина и творчество Ф.М. Достоевского: проблемы взаимоотражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 24 с.
- Турышева О.Н. О катарсисе в «Маленьких трагедиях» А.С. Пушкина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 1999. № 11. С. 17–22.
- Федорова Е.А. Пушкинское слово в произведениях Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова как способ характеристики героя // Слово.ру: Балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 2. С. 47–57. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-2-4>
- Фокин П.Е. Поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор» в идейной структуре романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Роман Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 115–136.
- Чумаков Ю.Н. Дон Жуан Пушкина // Проблемы пушкиноведения : сборник науч. трудов. Л. : Гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1975. С. 3–27.

Сведения об авторе:

Турышева Ольга Наумовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0002-3014-6153; SPIN-код: 6060-4082. E-mail: oltur3@yandex.ru